

КОНЦЕРТНАЯ АФИША

ТРИ СТРУНЫ ВОЛШЕБНЫХ

В опере Серова «Вражья сила» есть сцена, когда подгулявший кузнец Еремка на постом дворе развлекает гостей — богатых купцов. Он лихо, весело и с какой-то неукротимой удачей поет: «Возьму я в руки балалайку, потешу я свою хозяйку». Обычно певцы, исполняющие партию Еремки, во время пения этой неприхотливой песенки акцентируют внимание слушателей на двух словах «балалайка» и «потешу». За свой веселый задорный звук, к которому идет быстрая музыка, этот инструмент недаром первоначально называли «болтушкой» и «балабайкой». И почти до недавнего времени балалайка служила для потехи, развлечения

и увеселения. Но как это неожиданно, когда слушаешь великолепную игру на балалайке этого мастера-виртуоза балалайки — Евгения Авксентьева! В руках этого ярко, выразительно и ослепительно до блеска, нежно и грустно до щемящей боли. И вслед за дивными звуками в мечтах своих уносишься туда, куда они зовут, к тому, о чем они поют. Уносишься к свету, к радости, к счастью.

И я представил себе Евгения Авксентьева в Версальском дворце, в Париже, куда

он был приглашен на традиционный фестиваль классической музыки. Это был первый улыбке вечерней зари, о тусклом огоньке, который где-то далеко мерцает во мгле душной ночи. Она поет свободно и плавно, звонко и нежно, весело и скорбно. Знать, подавлены ей любые звуки, нюансы. Все ярко, выразительно и сияющими музыкантами нашего времени. Тогда в нашей прессе писали: «В Версале, ставшем синонимом церемонности, чопорности, с необычайным успехом прошел концерт советского музыканта Авксентьева. О последнем произведении мне хочется сказать несколько слов.

Наши слушателям посчастливилось услышать часть той программы, которая тогда исполнялась музыкантом в Версале. В этот раз прозвучали произведения западноевропей-

ской классики как больших, так и малых форм. Это прежде всего — Соната № 32, до мажор Доменико Скарлатти, Соната ми минор (первое исполнение) Гайдна, «Руррез» Баха, Тамбурин Рамо-Годовского, Вокализ Шоберга, «Охота» Паганини—Листа, испанский танец де Фалья, «Прекрасная Розмарин» Крейслера и наконец «Голубой колокольчик» Стэнли — Авксентьева. О последнем произведении мне хочется сказать несколько слов.

Однажды в Глазго, в Шотландии, во время гастрольной поездки Е. Авксентьев услышал мелодию, которая поразила его своей грациозностью и ритмичностью. Вечером после очередного концерта музыкант (он побывал на всех континен-

тах и к нам приехал из Японии). Так родились и прочно вошли в его репертуар голландская песня «Прекрасная Лиза, или Танцевальные пальчики», корейская — «Девушка и пастух», японские — «Чайки над морем» и «Луна сквозь облака», шведские, французские, английские песни.

Но я ничего не сказал о русских и советских композиторах. Им исполнитель посвятил все первое отделение. При этом исполнительское мастерство Е. Авксентьева достигло силы поразительной и всепокоряющей. И своим успехом он обязан не только оригинальности своего инструмента, который был сделан еще в 1910 году замечательным мастером Посерским, но прежде всего благодаря своему исключительному таланту.

М. ДАВЫДОВ.